

Ю. А. Веденеев*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: МЕЖДУ ДОГМАТИЧЕСКИМ НАСЛЕДИЕМ И ЯЗЫКОМ НОВОЙ АНАЛИТИКИ

Аннотация. Статья посвящена концептуальным сдвигам в описании и объяснении феномена права. Предмет науки права — категория меняющихся ментальных, языковых и концептуальных форм его существования и выражения. Развитие науки права подчинено культурно-исторической логике эволюций, как явления права, так и языка рассуждения о праве. Эволюции явления права и эволюции науки права протекают в сложной и динамичной среде институциональных и концептуальных изменений и взаимовлияний. Правовая реальность как социальный факт и понятие о факте существует в культурно-исторических границах взаимодействия языка правовой практики и языка правовой теории. Понимание правовой реальности как языковой реальности (феномена) требует разработки ментальных моделей (эпистем), позволяющих выделять наиболее значимые аспекты проявления правовой реальности в разнообразных социокультурных контекстах ее языкового — институционального (практического) и концептуального (теоретического) выражения. В актуальной повестке дня — становление в общем корпусе правовой науки теории самой юриспруденции, или Юриспруденции юриспруденции. Ее аналитическое основание составляет теоретическая история юридической науки, представленная в различных культурно-исторических формах существования и выражения юридического знания.

Ключевые слова: правовые институты и концепты, феноменология и аксиология права, поэтика и семиотика юридического текста, образ права и понятие права, воображаемая правовая реальность, концептуальная карта мира, юридический язык и юридический дискурс, понятие права и понятие юриспруденции.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.149.4.031-055

...Границы нашего мира
определяются границами используемых нами языков.
Л. Витгенштейн, «Логико-философский трактат»

ИСТОРИЯ ВОПРОСА: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

1. Право как данность и явление права — пересекающиеся категории. Право как данность существует в форме правопорядка. Явление права существует в форме коллективных представлений о должном порядке социальных отношений. Это ментальные образы правопорядка, складывающиеся в определениях языка социокультуры своего времени. Социокультуры

продуцируют различные нормативные образы правовой реальности. Ментальный образ архаического порядка заключен в юриспруденции мифа и ритуала, ментальный образ средневекового порядка заключен в юриспруденции греха и воздаяния, ментальный образ порядка эпохи модерна заключен в юриспруденции рационального выбора и действия. Любой правопорядок — это одновременно и историческая данность (право *per se*) и модусы юридических картин мира своей эпохи. Они различны по

© Веденеев Ю. А., 2019

* Веденеев Юрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) javedeneev@msal.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

своим культурно-историческим и формальным основаниям¹.

Правовая реальность такова, каковы представления о правовой реальности. В этом аспекте своего существования и выражения правовая реальность — это прежде всего воображаемая или символическая реальность. Эволюция права одновременно и эволюция языков представлений о праве, выросших из процессов символических коммуникаций и заменивших нормативный язык природного, биологического общения нормативным языком социокультуры². Правогенез — симбиоз социогенеза и культуригенеза или пересекающегося развития систем нормативных практик и систем исторических языков представлений о должном или недолжном порядке социальных отношений. Право определяет себя не только тем, что является его предметом, но и в том, что и как оно воспринимает в качестве своего предмета. Право — это симбиоз норм и ценностей, правил и мировоззрений. Феноменология права включает в себе аксиологию права, аксиология права лежит в основании эпистемологии права.

Представления — это не только и не столько элементы правосознания, это нормативные факты-концепты, лежащие в основании процессов формальной институционализации. Институты меняются вместе с представлениями об институтах. Так, культурно-исторические практики становления и развития права в определениях юридического концепта действительности Aequitas и/или Justitia различны по своей внутренней юридической сути и обусловленному ими процессу правоформирования. Идея справедливости, выраженная на

языке естественно-правовых представлений о должном (*гуманитарном смысле*), и идея справедливости, выраженная на языке позитивистских представлений о праве (*формальном смысле*), заключают в себе не только различные ментальные и когнитивные основания понимания права. Ментальные образы и модели восприятия, переживания и отношения к праву выступают также активными элементами процесса правообразования и строительным материалом своих институтов и конкретно-исторических правовых систем в целом

Современная юридическая наука полагает широкий контекст формирования и действия права, далеко выходящий за рамки формально-догматической версии понимания права и предмета позитивной теории, основанного на ее аксиоматических положениях. Юриспруденция не просто лежит в основании государственно-правовых институтов. Сами институты являются олицетворением юриспруденции. Предмет юриспруденции — сама юриспруденция в ее знаниевых формах и обозначенных в них дискурсивных практиках и институтах. Одного только доктринально санкционированного определения понятия права как «*совокупности правил человеческого поведения, установленных... в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу*»³, вполне достаточно для понимания нормативной роли языка в конституировании отечественной институциональной реальности.

Быть — значит иметь свое собственное имя или наименование, свою языковую и дискурсивную форму выражения. Важно лишь не

¹ См.: Лафитский В. Великие конституции. М., 2017.

² См.: Блумер Г. Символический интеракционизм. М., 2017.

³ Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 40—41 ; Брок О. Диктатура пролетариата. М., 2018.

Канонический образ права как инструмента государственной воли и политики победившего класса открывал неограниченные возможности социального мифотворчества, что исключало какую-либо рефлексивность на предмет действительных границ в строительстве нового мира, поскольку никаких юридических ограничений в борьбе за светлое будущее по определению не могло быть. Право в эстетической логике понимания его природы и бюрократическом стиле выражения, с его безапелляционностью и дотошной мелочностью инструкции и наставления, не подлежало какой-либо критике со стороны своих доктринальных и концептуальных оснований. Власть дискурса и дискурс знания о власти поддерживали и воспроизводили друг друга. Задачи юридической науки фактически заключались в придании официально санкционированной версии определения права научной респектабельности.

Аналитика формально-догматической юриспруденции обнаруживала себя главным образом в юридико-технической разработке прикладных тем. Научные дискуссии теоретико-методологического характера, при всей своей пафосности, сводились к одному и тому же конечному результату — подтверждению безусловной истинности того, что и так не нуждалось в доказательствах. Либо, в лучшем варианте,

переопределять себя на нормативном языке, противоречащем юридическому смыслу социального общения, заключенному в предметной логике самого социального общения. Социальные институты потому и являются институтами, что они в себе заключают свое собственное право и живут этим правом. Это вопрос социокультуры, превращающей спонтанные социальные действия и ориентации в институты. Советская юриспруденция — классический образец того, как негативная политическая практика может прикрываться позитивной формально-догматической эпистемологией, претендующей на научность и объективность, исключающей критику собственных категориальных и институциональных оснований. Знать все закономерности, касающиеся других, и проспять 1991 г.

Юридическое знание существует не только в различных исторических формах своей репрезентации — мифологической, символической, рациональной, но также в различных языковых модальностях своего присутствия и участия в формировании правовой реальности. Движение от эмпирической формы знания к теоретической, от доктринальной формы к понятийной — эпохи концептуальной эволюции науки, в том числе и юриспруденции. Она составная часть процесса правопонимания и правообразования (*производства права*), процесса реализации и применения права. Классическая римская юриспруденция вышла из юридической практики. Эпоху превращения

эмпирических конструкций в понятия сменила эпоха превращения модальных концепций в практические конструкции. Социокультурная и нормативная разработки языка описания и объяснения явления права (*концептуализации права*) в современных условиях — это составная часть и процесса производства знаний о праве, и процесса производства права. В юридическом языке, на котором говорит право, заключено его прошлое, настоящее и будущее. Фундаментальная проблема современной юриспруденции заключена в разработке языка описания и объяснения новых явлений социальной, экономической и политической практики, требующих их адекватной юридической квалификации и применения. Существующий формат догматической юриспруденции ограничивает свое концептуальное развитие главным образом текущим переопределением наличных понятий в их общей формальной номенклатуре, а не расширением своего предметного поля и аналитического языка⁴.

Дисциплинарное различие предметов практической и теоретической юриспруденции, характерное для отечественной юридической науки, методологически и предметно некорректно, поскольку институциональная и концептуальная логики развития права и науки права, существуя в общем ментальном и когнитивном пространстве, определяют и воспроизводят друг друга. Поэтому сама постановка вопроса о том, кто кого оплодотворяет ресурсами кон-

к извлечению на свет божий того, что было давно представлено и освоено отечественной дореволюционной юриспруденцией, либо к доверительному рассказу о том, как живительная влага заграничного знания попадает в научный оборот из реферативных ресурсов академического Института научной информации по общественным наукам.

Postscriptum. Источник заграничных знаний (ИНИОН РАН) сгорел — в прямом смысле — вместе с уникальным историческим архивом и библиотекой, видимо, с силу своей ненужности в эпоху перемен и очередного скачка в очередное светлое будущее.

⁴ См.: Синюков В. Н. Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 19—29.

В известном отношении логика формального переопределения языка догматической юриспруденции доминирует и в альтернативной версии понимания права — либертарно-юридической теории права. Ключевые фигуры школы концентрируют свою аналитику не на разработке принципиального нового языка описания и объяснения явления права, что, собственно, и превращает ее в концептуальную альтернативу старой юриспруденции, а на привязывании ее базовых категорий и понятий к выстраданным основоположником школы В. С. Нерсисянцем ментальным образам правовой свободы и равенства. Справедливость почему-то не в почете у сторонников либертарной теории права, хотя именно справедливость и резюмирует в себе смысл собственно юридического отношения к действительности. Интерпретативный формат либертарной теории права фактически закрыл перспективу ее собственного аналитического развития, обрекая на дискуссию с вечным оппонентом, а в конечном итоге с самой собой. Мейнстрим юриспруденции на закате собственного творения закончился тем, с чего и начался, то есть такой же догмой, но теперь собственного производства.

цептуального развития — теория права отраслевые науки или отраслевые науки правовую теорию, напоминает главную дискуссию Средних веков о существовании общих понятий в их сакральной роли устройства мира. Их бытие номинально или реально? Оно ни номинально, ни реально, оно объективно. Общие понятия — это не что иное, как образы мира, метафизические смыслы его фактического бытования. Общее проявляет себя в конкретном. Конкретное находит себя в общем. Различие в подходах к описанию и объяснению правовой реальности выражает всего лишь различные уровни ее действительного совместного существования. Отношения взаимности эмпирического и теоретического лежат в основании эпистемологии юриспруденции. Эмпирический материал насыщает новым содержанием аналитические категории, а аналитические категории открывают новые значения в эмпирическом материале. Одно заключено в другом и наоборот.

Дисциплинарная структура юридической науки является отражением общих и конкретных концептуальных оснований развития системы юридических знаний в целом. Ее организация в культурно-исторической логике и динамике расширяющегося предмета исследования сама по себе является эпистемологической проблемой. Классический предмет юриспруденции — изучение социального поведения в различных исторических системах правовых правил, институтов и процедур. Рефлексия на предмет самое себя — новая фаза концептуальной эволюции юриспруденции. Формирование в общем корпусе юридической науки эпистем, развернутых в культурно-исторической логике эволюции систем юридических знаний или систем категорий и понятий, в рамочных определениях которых осмысляются государственно-правовые явления, — актуальная тема юридической науки. Это и есть предмет нового формата юриспруденции, метатеории или теории ее теории, то есть эпистемология юриспруденции.

Проблема концептуализации самой юридической науки, ее предмета и языка заключена в логике реальных асимметричных отношений между новыми явлениями правовой действительности и старым языком юриспруденции. Если старая юриспруденция в своих определениях исходит из принципа нормативности полученных знаний, закрытых в широком диапазоне возможных интерпретаций своего предмета и языка, то новая юриспруденция в своих концептуальных построениях исходит из принципа

междисциплинарной рефлексивности, открытой различным и конкурирующим дискурсивным практикам получения знаний. По существу, речь может идти о двух типологически различных форматах юридической науки, а именно аналитики закрытого и открытого текста, со своими правилами производства и потребления юридического знания, культурно-историческими примерами которых являются сакральная и профанная юриспруденция, юриспруденция священных текстов и юриспруденция повседневности.

Язык юриспруденции разных культур своего существования различным образом реагирует на изменения практик социального общения и появления новых сфер человеческой деятельности. В различной степени своего практического бытования он открыт или закрыт для усвоения всего языкового разнообразия других научных дисциплин естественного и социального профиля, меняющих границы предметного и концептуального формата самой юридической науки. Дисциплинарная матрица правовой науки, живя собственной эпистемологической инерцией, постепенно утрачивает способность видеть, различать и понимать явления, которые ментально и концептуально выходят за понятийные рамки ее кодифицированного языка, выработанного как наличной практикой, так и наличной теорией. В самом языке осмысления социальной реальности заключены нормативные границы не только ее юридического определения, но и существования. Сложные социальные коммуникации требуют открытого институциональным и концептуальным изменениям юридического языка.

2. Отечественная юридическая мысль достаточно условно, но тем не менее по не зависящим от логики собственного развития политическим обстоятельствам, распадается на три периода — досоветский, советский и постсоветский. Грани, разделяющие эти внешние по отношению к эволюции самой юридической науки фазы, также весьма размыты, поскольку сложно вычленить парадигмальные сдвиги в предметных и методологических основаниях дисциплины, опираясь только на ее доктринальные представления о себе. Язык формально-догматической юриспруденции, который составляет одновременно и концептуальное, и нормативное ядро всего корпуса юридических наук, и сегодня продолжает воспроизводить себя безотносительно от регулярно повторяющихся попыток внести в него новые

представления о правовой реальности и продолжает доминировать в самой науке права в ее подходах, определениях и конструкциях. За этим обстоятельством прячется одно значимое в понимании нормативной природы права явление. Классическая юриспруденция уловила архетипическую суть юридической организации социальных отношений, заключенную в нормативной природе самих социальных отношений, то есть ее догму, что, разумеется, не может исключать поиск и других, не менее значимых социокультурных оснований развития и концептуализации права. Для юридической науки важна и догма, и культурно-исторический контекст различных форм ее воспроизводства в социальной практике. Если право — это правила, ценности и концепты в их культурно-исторических отношениях или языки, на которых говорит юридическая практика, то логично предположить, что юриспруденция — это наука о системах правил, ценностей и концептов в их культурно-исторических определениях. Или комплексная научная дисциплина, включающая в себя и феноменологию, и аксиологию, и эпистемологию права исходя из структуры их общего предмета.

Плюралистическая линия движения отечественной юриспруденции конца XIX — начала XX в. была прервана и забыта на долгие десятилетия именно в момент своего концептуально-

го самоопределения. Индикатором изменений является не только расширение понятийного поля правовой науки, но и становление в системе дисциплин, определяющих ее предметно-методологический профиль, новых научных дисциплин. Наряду с социологией и антропологией права, постепенно формируется исследовательское направление, предмет которого составляет развитие самой юридической науки. Теоретическая история юриспруденции — новое концептуальное измерение эволюции культурно-исторических форм юридического знания. Изучение изменений в структуре и содержании категорий и понятий юриспруденции или языка юридической науки в различных социокультурных и концептуальных контекстах ее саморефлексии означает фундаментальный сдвиг ее собственной эпистемологии⁵. Лучше поздно, чем никогда, но тем не менее факт остается фактом. Отечественная юриспруденция пока интересуется всем, чем угодно, кроме самой себя как предметом исследования в логике концептуальных изменений, которые характеризуют развитие самой юридической науки⁶. Несмотря на появление в общем объеме научных публикаций отдельных критических материалов, общее состояние литературы вопроса не должно вводить в заблуждение. Объяснение лежит на поверхности. Образ мыслей и действий как значительной части профессио-

⁵ См., например: История юридических наук в России : сборник статей / под ред. О. Е. Кутафина. М., 2009 ; *Тисье М.* Высококатегорная дисциплина, неясная наука: теория и практика российского правоведения в конце XIX — начале XX в. // Наука о человеке. История дисциплин. М., 2015. С. 207—238 ; *Лазарев В. В., Липень С. В.* История и методология юридической науки. М., 2019 ; *Мартышин О. В.* К истории формирования понятия «государство» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4. С. 37—48. Расширение границ эпистемологии права, действительный предмет которой составляет не только формальное определение понятия права, но также и образы права, восприятие и переживание права в контексте социокультуры своей исторической эпохи, существенно меняет понимание его цивилизационной природы, многоуровневой структуры правовой реальности, взаимодействий и влияний ее ментальной, когнитивной и интеллектуальной составляющих. Отсюда, собственно, и проистекает концептуальная потребность качественного обновления категориально-понятийного аппарата научной дисциплины, способного обнаруживать, описывать и объяснять именно те аспекты правовой реальности, которые выпадают из рассмотрения в рамках позитивистской версии понимания права.

⁶ Определенный вклад в понимание кризисной ситуации в теоретической юриспруденции содержат материалы круглого стола, проведенного кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ и журнала «Государство и право» в ноябре 2015 г. (см.: Государство и право. 2016. № 4. С. 5—31. См. также: *Хедлунд С.* Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М., 2015).

Совершенно иное положение вещей демонстрирует уже сложившаяся и активно позиционирующая себя в общем корпусе гуманитарного и социального сознания науковедческая и культуральная традиция зарубежных исследований. Ее концептуальное наследие, постоянно расширяющееся и обогащающееся в своих определениях, составляет весьма обширную и детально проработанную историографию вопроса (см.: *Res Publica.* История понятия. СПб., 2009 ; История понятий, история дискурса, история

нального научного сообщества, так и практикующих юристов сохраняет приверженность традиционным взглядам и подходам в описании и объяснении правовых явлений⁷.

Разумеется, известная инерция и приверженность догматической традиции осмысления правовых явлений и процессов имеет под собой доктринальные и практические основания. Консерватизм науки права в ее базовых положениях — гарантия стабильности и формальной определенности самих социальных отношений, регулируемых правом. Теория юридического отражения действительности

логично вписана в концептуальную матрицу позитивистских версий понимания права, полагающих первичность юридического бытия относительно сознания и языка его нормативных определений. За рамками остается другой аспект реальных пересечений и взаимовлияний права и науки права, основанный на понимании конститутивной роли языка описания и объяснения правовых явлений в формировании самих правовых явлений. Процессы воспроизводства права замкнуты на процессы воспроизводства знания в форме осмысления права. Действительные источники права заклю-

метафор. СПб., 2010 ; Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018). Она логично вписывается в сложившуюся традицию изучения категориально-понятийных систем и лежащих в их основании ментальных и дискурсивных практик, разрывов преемственности и пересечений языков описания и объяснения социальных явлений, представленную Райнхартом Козеллеком (Германия), Мишелем Фуко (Франция), Квентином Скиннером (Великобритания), Умберто Эко (Италия). Общий обзор эволюции дисциплинарной области исследований представлен с достаточной полнотой в работе Питера Бёрка «Что такое культуральная история?», опубликованной на русском языке в 2015 г. См. также: Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб., 2007 ; Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1970. I : Хозяйство, семья, общество ; II : Власть, право, религия.

⁷ Основанием столь категоричного суждения являются материалы ряда резонансных дискуссий по вопросам базовой категории юриспруденции «система права», проводимых с известной регулярностью в конце 30-х (1938), середине 50-х (1956—1958), начале 80-х (1982) годов. Фактически речь шла о статусе юриспруденции в системе социально-политических наук.

Советская и постсоветская юридическая мысль вращалась и продолжает безостановочно вращаться вокруг собственных догматических конструкций и определений. Ее аналитика до настоящего времени не вышла за понятийные рамки, которые заключены в языке формальной юриспруденции, отягощенном почти религиозным восприятием и пониманием правовой реальности как государственно-правовой. Парадоксальность ситуации может быть выражена простой формулой христианского богослова Тертуллиана: «Истинно только то, во что верую». Возможность выскочить из замкнутого круга элементарных по своей сути и новизне эвристических построений и аргументации практически закрыта вектором инерционного движения самой юридической науки. Многообещающие концептуальные сдвиги завершились фактически одним результатом — идеологема «советское/социалистическое право» была переформатирована в идеологему «российское право», без изучения изменений собственно среды своего обитания — ментального, терминологического, семантического и социокультурного контекста. См.: Азми Д. М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938—1946 гг.). М., 2009 ; Рейхель М. О. К дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1940. № 9; Дембо Л. И. О принципах построения системы права // Там же. 1956. № 8; Кнапп В. По поводу дискуссии о системе права // Там же. 1957. № 5; Система советского права и перспективы ее развития. Круглый стол журнала «Советское государство и право» // Там же. 1982. № 6. № 8 ; Мозолин В. П. Система российского права (доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право. 2003. № 1 ; Петров Д. Е., Байтин М. И. Система права: к продолжению дискуссии // Там же. 2003 № 1. С. 25—34.

Подробный анализ сложившегося положения дел представлен в коллективной монографии: Система права. История, современность, перспективы. М., 2018.

Как со времен динозавров мало изменились крокодилы, так же и догматическая юриспруденция сохраняет верность заключенной в ее основаниях эпистемологии. Право только правила, устанавливаемые государством. Это позитивное право во всех смыслах его понимания и существования. Все иное в этой логике взаимной любви государства и его правил, видимо, негативно. Вопрос правомерности того, что государство считает правом, не существует ни в догматической постановке, ни в формальной аналитике.

чены в понимании, что есть право и что не есть право каждой исторической эпохи его становления и развития. Наличное право, так же как и его аналитическое продолжение — юридическая наука, существует в определениях языка социокультуры, ее собственной онтологии, феноменологии и аксиологии.

Не касаясь собственно вопроса концептуальной истории юридической науки, имеющей уже свою историографию⁸, представляется возможным остановиться на отдельных узловых аспектах расширения ее проблематики, предмета и методов, благодаря включению в более широкий междисциплинарный контекст, в значительной мере связанный с переводами трудов зарубежных правоведов. Сама по себе возможность контактов с коллегами по цеху даже в такой ограниченной форме представляла собой фундаментальный сдвиг в самоопределении отечественной юридической науки, особенно в той ее части, которая всегда была закрыта для переопределения своих исходных метаоснований, — марксистско-ленинской теории государства и права.

Доктринальный статус дисциплины, скорее предписывающей, что понимать под правом и государством, чем анализирующей, что изучать в собственной логике развития исторических категорий и явлений, существенно ограничивал развитие самой теории, ее структуры, научного языка и исследовательского инструментария. Аналитический дискурс догматической юриспруденции, или нормативные правила рассуждения о правилах, заключен в системе ее аксиоматических суждений, приписывающих юридические характеристики или свойства изучаемым явлениям правовой реальности. Правовое явление существует постольку, поскольку оно уже предусмотрено в его формальных определениях. Юридическое знание

не выводится из реальности, а форматирует реальность, исходя из заданного представления о ее месте и роли в практиках юридической организации социальных отношений. Здесь представление не отражает действительную реальность в логике ее собственных отношений, а производит ее в логике желаемого порядка отношений. Логика реально-сущего находится в прямом подчинении у логики формально-должного. Реальностью распоряжаются как вещью, чья судьба полностью зависит от воли ее собственника. Фактический мир — мир юридических конструкторов и симулякров, компенсирующих отсутствие собственной правовой реальности механическими заимствованиями юридического словаря другой реальности.

Не отрицая безусловного значения широких научных дискуссий о соотношении социального факта и догмы права, их итоговые результаты, отвечая известной потребности концептуализации нормативной теории государства и права, исключали методологически и предметно развернутую критику ее исходной аксиоматики и догматики. Концептуальная связь теории государства и теории права, заданная идеологическим контекстом ее понимания, была за рамками методологической рефлексии. Стандартная, официально санкционированная формационная и этатистская аналитическая топика продолжает доминировать в исследовательских подходах. Определение понятия права в определениях понятия государства составляло незыблемый принцип познания правовых явлений. Право — это то, что говорит и делает государство. Последовательность говорения или делания несущественна с точки зрения целевой функции установления правопорядка.

Невинное различие права и закона, предложенное В. С. Нерсисянцем и доведенное до состояния собственной схоластики

⁸ См.: Баранов В. М. Энциклопедия юриспруденции — интегративное развитие общей теории права и государства // Теория государства и права в науке, образовании и практике : монография. М., 2016. С. 48—72 ; Веденеев Ю. А. Юридическая наука: введение в историю дисциплины // Государство и право. 2018. № 2.

Мы удивительны в своей эпистемологической первозданности. У нас, как в Греции, всё есть, судя по названиям: и онтология, и феноменология, и аксиология, и гносеология права. Есть всё и одновременно ничего. В лучшем случае — общие рассуждения на эту востребованную и благодатную тему, хотя очевидно, что за всеми концептуальными перспективами в эволюции юридической науки должны уже давно прорасти собственные и конкурирующие между собой аналитики и понятийные формы-рамки выражения юридического знания. Судя по однообразному и унылому растительному ландшафту отечественной юриспруденции, она все еще пребывает в критической фазе определения своих теоретико-методологических привязанностей и никак не может изменить тому, что является одновременно и ее ахиллесовой пятой, и спасением, то есть ортодоксальной политико-правовой догме 1938 г.

гипертрофированного формата либертарно-юридического правопонимания, изначально воспринималось как методологический гром с безоблачного неба ясной, как солнышко, советской юридической науки. Ментально с появлением новой версии понимания права ничего не изменилось. Ее последователи, разрабатывая собственную аналитику и концепцию права, так же безапелляционно, как делали ранее их предшественники по юридическому цеху, разправлялись со своими почти классовыми противниками. Опомнившись от догматических потрясений, сторонники классического позитивизма вступили в концептуальное сражение со своими оппонентами, которое не прекращается вплоть до настоящего времени.

Выяснение взаимных отношений сторонников консервативного и либерального направлений развития юридической науки, классического и неклассического правопонимания фактически составило осевую веху концептуальной эволюции дисциплины переходной эпохи. Ее главный результат состоит не только в разрушении монополии понимания сугубо инструментальной природы государства и права, но прежде всего в переориентации юриспруденции на поиск собственных концептуальных оснований и междисциплинарных связей, в предметной логике которых складывается свой язык и своя методология изучения права как явления и процесса социальных и культурных коммуникаций.

Динамика концептуальных изменений определяется степенью плотности, регулярности, устойчивости и открытости научных обменов и заимствований, протекающих в нормативных границах языка социокультуры определенной исторической эпохи. Иллюстрацией реального положения дел в отечественной правовой науке является история первого перевода ключевого для отечественной юриспруденции труда австрийского правоведа Ганса Кельзена «Чистое учение о праве» в первой (1934) и последней (1960) авторской редакции. Перевод был подготовлен к XIII Конгрессу Международной

ассоциации правовой и социальной философии в Токио (1987), он представлял собой фактически реферативное изложение отдельных частей базового текста и имел, разумеется, сугубо информативное значение⁹. До недавнего времени этот материал был единственным источником цитирования для отечественных правоведов. Фактически длящаяся практика издания тематических рефератов по материалам опубликованных зарубежных исследований составляла типичный и санкционированный способ включения в научный оборот научных результатов в области социальных и гуманитарных наук, что, безусловно, свидетельствовало о минимальном уровне открытости политически ангажированной отечественной юридической науки.

Сложно представить сегодня, какими извилистыми путями пересекали идеологические границы отдельные абсолютно нейтральные работы в области общественных наук. В частности, перевод книги французских авторов Р. Пэнто и М. Гравитца «Методы социальных наук»¹⁰. Образец неявного ознакомления отечественных правоведов с результатами исследований в области политической этнографии и юридической антропологии. Работа включала концептуальное введение к изучению права и социальных наук, в котором отдельные суждения по вопросу генезиса права при всей их элементарности отличались от традиционного понимания темы, представленной в классической работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Только спрятавшись за нейтральным названием, предметная часть содержания работы, не вписывающаяся в формационную схему происхождения государства и права, смогла дойти до своего читателя.

Исключение из общего правила составила публикация известного труда французского компаративиста Р. Давида, весьма популярного и сегодня среди отечественных специалистов в области сравнительного права¹¹. Объяснение достаточно простое. Автор исследования правовых систем современности значительное внимание уделил становлению и развитию со-

⁹ Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сб. переводов. Вып. 1. М. : Изд-во ИНИОН РАН, 1987 ; Вып. 2. М. : Изд-во ИНИОН РАН, 1988.

¹⁰ Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972.

¹¹ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967.

Сравнительная юриспруденция Рене Давида до настоящего времени питает весь комплекс современной компаративистики, хотя сегодня более корректно иное именование классического текста, а именно «Основные несовременные правовые системы».

Проблемные пласты правовой реальности эпохи системной глобализации носят трансграничный ха-

циалистической правовой системы, чем, безусловно, заслужил признательность и доверие со стороны советской научной общественности. Последняя была приятно удивлена, узнав из уст французского коллеги, что советская правовая система является, с известными поправками, органичной частью европейского правового ландшафта. Подтверждением данного факта является значительное, если не избыточное, количество переводов старых и новых редакций данного труда, в том числе в соавторстве с коллегой по юридическому цеху; правда, в современной редакции если и сохраняется часть, касающаяся социалистической правовой системы, то без дальнейшего содержательного развития данной темы. Она умерла не только в силу ухода с исторической сцены главного носителя ее правоположений и правоопределений, а скорее по причине идеологической заданности и формальной искусственности самой конструкции. Внутренний концепт (*или аксиоматика*) социалистической правовой системы и ее внешний конструкт (*или догматика*) всегда были всего лишь гипертрофированным выражением классического позитивизма, с его официально санкционированным языком рассуждения и понимания права.

Новая постсоветская эпоха развития юриспруденции, сняв идеологические ограничения, как в предметном, так и методологическом отношении обнажила одно, но весьма тревожное обстоятельство, связанное с многолетним существованием дисциплины в условиях изоляции от ключевых тенденций, направлений и школ развития современной юридической науки, а именно ее вторичный, периферийный характер и провинциальность. Не должны вводить в заблуждение переиздания работ дореволюционных правоведов и активная переводческая деятельность в различных областях юридического знания, в том числе в области теории права. Не должна вводить в заблуждение и основная масса публикуемых работ по теории права, за претенциозными и многообещающими названиями которых прячется зачастую весьма тривиальное содержание и юридическая схоластика. Регулярно отмечаемые мемориальные даты в юридической жизни страны, круглые столы и конференции о вкладе в развитие юридической науки отечественных правоведов — все это скорее воспоминания о юридическом прошлом и несостоявшемся юридическом будущем¹². Теория государства и права до сих пор не может выйти из концепту-

актер. Новые институты существуют за рамками старой конструкции методологии тождественного и контрастирующего сравнения, обеспечивающих их изучение и понимание (см.: *Марченко М. Н.* Конвергенция романо-германского и англосаксонского права. М., 2007).

Решение проблемы заключено в совмещении концепта «сравнительное право» и концепта «сравнительная юриспруденция» в общий предметно-аналитический комплекс. Практический язык, на котором говорят институты, не существует вне социальной философии и аналитики языка их осмысления, описания и объяснения (см.: *Михайлов А. М.* Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения : монография. М., 2013 ; *Он же.* Формирование и эволюция идей юридической догматики в романо-германской традиции (XII—XIX вв.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012).

Обе составляющие общего процесса культурно-исторической эволюции права и науки права пока еще живут своей отдельной жизнью, хотя очевидно, что сравнение правовых конструкций и понятий предполагает в своей онтологии и эпистемологии сравнение юридических картин мира, определяющих институциональный и концептуальный ландшафт отдельных правовых систем. Юридическая картина мира существует в рамочных определениях социокультуры. Юридическая картина мира имеет временное и пространственное измерение. Юридическая картина мира обнаруживает себя в границах определенного юридического языка и дискурса или форм и способов восприятия, переживания и осмысления правовой реальности. Юридическая картина мира включает в себе отдельные эпохи существования и понимания права. Она выражает себя в системе соотносимых категорий и понятий, таких как «правовая география», «правовая культура», «правовая доктрина», «правовая система». Это ментальная и языковая карта социального мира, его концептуальное и нормативное ядро. Эпистемологический поворот компаративистики еще ждет своего часа.

¹² См.: Петербургская школа философии права. К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого. СПб., 2018 ; 150-летие со дня рождения П. И. Новгородцева (1866—1924) (по материалам круглого стола) // Вестник МГУ. 2016. № 3 ; *Кроткова Н. В.* 150-летие со дня рождения П. И. Новгородцева (1866—1924) (круглый стол) // Государство и право. 2016. № 9.

альной тени своего советского догматического бытия¹³, что подтверждает простой факт. Юридическая наука — явление языка социокультуры своего исторического места и времени, которое может течь, а может и замирать на время.

ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

1. Правовая реальность — сложная многосоставная и многоуровневая культурно-историческая категория. Правовая реальность на любой фазе своей культурно-исторической эволюции структурирована социальными отношениями (логикой сущего) и представлениями о должном порядке их нормативной организации (логикой должного). В их взаимных отношениях и пересечениях формируется юриспруденция, или наука о юридических конструкциях и определениях систем социально-нормативного общения. Поиск практического языка права (институтов) и теоретического языка права (понятий) в рамочных построениях социокультуры определенной исторической эпохи — два плана концептуализации правовой реальности. Один лежит в плоскости феноменологии права, другой в плоскости эпистемологии права. Актуальное состояние современной фазы концептуальной эволюции классической юридической науки, ее догматики

и аксиоматики связано с расширением номенклатуры категорий и понятий дисциплины и введением в научный оборот новых базовых единиц анализа правовых явлений, существенным образом меняющих не только формат, границы и методы теоретизирования феномена права. Меняется видение самой реальности, открывающей новые слои своего действительного бытования, информационного (текстового) и знакового. Право — это одновременно и формальные правила, и символическое послание, адресованное *Urbi et orbi*. И то и другое — тексты внутри общего юридического текста; но это различные по своему назначению и смыслу конструкции. Предмет первой — общественное отношение, предмет второй — общественное сознание. Функция регулирования конкретного поведения одних совмещена с функцией мобилизации установок на правильное поведение остальных.

Правовая реальность существует одновременно в объективном и субъективном смысле, в форме сущего и должного, фактического и нормативного, материального и идеального, юридического концепта действительности и юридических институтов. Правовая реальность каждой исторической эпохи говорит на своем юридическом языке. То есть в границах социальных фактов и культурных ценностей или юридических картин мира определенных исторических эпох. Правовая реальность живет в языке рассуждения о правовой реальности.

¹³ Все, что можно сказать о себе, уже сказала советская юридическая наука, начиная с приснопамятного совещания правоведов 1938 г. и знаменитого учебника по теории государства и права 1940 г. Заключенная в них юридическая доктрина продолжает воспроизводить себя, свою догматику и аксиоматику, забыв, что главный предмет юриспруденции — критика концептуального языка самой юриспруденции в предметной логике его собственного развития.

Категориально-понятийное ядро дисциплинарного кластера современной правовой науки составляют правовая лингвистика, правовая поэтика и правовая семиотика, эпистемология юридического языка, текста и дискурса. Именно историческая и сравнительная правовая лингвистика и эпистемология права выражают новый концептуальный поворот современной юриспруденции, наряду с ее антропологическим и когнитивным поворотом. Ориентация на языковые феномены правовой реальности в контексте их социокультурной и исторической эволюции объясняется условиями, вытекающими из различия языков эпохи существования самого явления и языков их реконструкции в терминах и значениях другой исторической эпохи. Реальность языка исторического факта и реальность языка интерпретации факта — не тождественные реальности.

Отсюда проблема транзита, инкорпорации, конвергенции и трансформации правовых идей и ценностей, правовых институтов и понятий в социокультурных контекстах переопределения базовых категорий права и науки права и в исторических практиках социального (нормативного) общения. Отсюда проблема прочтения юридического текста, его интерпретации и переинтерпретации путем манипулирования значениями юридического языка, закрывающими возможность получения открытого и достоверного заключенного в нем содержания. Соотношение открытого и закрытого для интерпретации и понимания смысла юридического текста — актуальная тема реальной жизни языка правовых коммуникаций.

Nomen est omen. В этом аспекте своего аналитического выражения юридическая наука в целом и теория государства и права в частности всего лишь концептуальные формы существования правовой реальности, наряду с ее языковой и институциональной формой.

Эволюция права, его институтов, форм и методов юридической организации социальных отношений и эволюция науки права, ее языка, предмета и способов исследования составляют общий объект теоретико-методологических размышлений и определений. Очевидно, что языки институциональной теории права и языки концептуальной теории права характеризуют различные, хотя и взаимозависимые аспекты правовой реальности, выраженные в ее прагматике и аксиоматике. Исторически сложившаяся и привычная конструкция юридической науки в ее формально-догматической версии выполнила свою эпистемологическую функцию в той части понятийного аппарата дисциплины, который связан с классическими суждениями о праве и науке права. Позитивистский формат развития юридической науки постепенно уходит на периферию теоретико-методологической рефлексии. В современной фазе своего развития он являет собой фактически завершённый проект концептуализации права. И только инерцией существующей научной традиции, ее консерватизмом и официальным статусом теории государства и права как науки о всеобщих закономерностях политико-правового развития общества можно объяснить сохранение ее методологического и образовательного значения.

Концептуальный и дисциплинарный кризис налицо, о чем свидетельствует перманентная дискуссия по вопросам определения предметно-методологического статуса теории права в общей системе отраслевых юридических наук. Очевидно, что теоретическая юриспруденция стоит на пороге парадигмальных изменений. Основные параметры нового языка описания и объяснения феномена права — его предмета, содержания и концептуальных границ, то есть его феноменологии, аксиологии и эпистемологии — актуальная тема и проблема современной юридической теории в формате постклассической юриспруденции. В складывающейся конфигурации междисциплинарных связей юридической науки в общей системе социально-гуманитарных наук особое место

начинает занимать, наряду с историей политико-правовых институтов и доктрин, история и методология юридической науки как особого феномена социокультурной эволюции языка права, его когнитивной и концептуальной составляющих.

История развития систем юридического знания, так же как и история развития политико-правовых институтов, связана и определяется общим фундаментальным основанием концептуальных и институциональных изменений права и науки права — юридической картины мира, ее структуры, содержания, логики развития и смены культурно-исторических форм (*эпистем*) осмысления правовой реальности и исторических типов правосознания и правового понимания. Если для современной юридической практики фундаментальное значение приобретает описание и объяснение трансграничных институциональных обменов и пересечений, что предполагает формирование юридически открытых правовых институтов и систем, то для науки права в целом и юридической теории ключевое значение приобретает описание и объяснение междисциплинарных концептуальных преобразований и обменов в системах ее юридического языка. А это предполагает разработку общих междисциплинарных оснований развития юридической науки в ее современной редакции интегральной или культурно-исторической институциональной и концептуальной юриспруденции, поскольку язык институтов и язык юриспруденции — взаимозависимые категории и явления общего культурно-исторического процесса развития права и науки права.

2. Феномен права существует в определениях языка своей социокультуры, ее юридического словаря, логики и грамматики, в том числе языка ожиданий и настроений, переживаний и представлений, оценок и отношения к праву, в контексте смены концептуальных парадигм¹⁴. Это одновременно ценностно-нормативная и формально-нормативная, языковая и концептуальная реальность. Юридический язык не только отражает явление права в его определениях и понятиях. Юридический язык формирует право в его категориях и конструкциях. Правовая реальность — одновременно язык понимания и рассуждения о праве. Это язык социокультуры. В нем заключен предмет и метод юриспруденции, означаемое и озна-

¹⁴ См.: Корнев В. Н. Право как языковой феномен // Государство и право. 2018. № 6. С. 5—12.

чающее, план выражения и план содержания явления права.

Язык права лежит в основании юридического текста — универсальной формы существования и выражения правовой реальности, объединяющей в себе язык понятий и концептов, норм и ценностей, символов и ориентаций, статусов и ролей. Юридический текст по определению культурно-исторический феномен. Как система концептуальных определений и правил нормирования социальных отношений юридический текст — предмет культурно-исторической юриспруденции. То есть комплекса дисциплин, исследующих становление и развитие правовых систем, изменения содержания и форм права, юридических конструкций и понятий, норм и ценностей в исторических логиках своего времени и места — феноменологии, аксиологии и эпистемологии права.

Юридический текст — первичная реальность, интегральная категория юриспруденции и составная часть ее комплексного предмета наряду с юридическим языком и юридическим дискурсом или системой аргументаций и суждений о праве, включающая нормативную поэтику и грамматику языка отдельных исторических эпох существования и развития феномена права. В этом смысле юридический текст одновременно и языковая (*знаковая*) реальность, и концептуальная (*когнитивная*) реальность или система нормативных представлений о должном порядке социальных отношений. Включение в предмет юридического анализа концептуальной составляющей права и знаковых практик манифестации нормативных границ юридической организации социальных отношений открывает новые перспективы развития науки права. В ситуации фундаментальных институциональных трансформаций национальных и наднациональных правопорядков смена концептуальных моделей описания и объяснения процессов перехода к новым юридическим формам социального, экономического и политического общения выходит за рамки собственно эпистемологии и аксиологии права и лежит скорее в плоскости адекватной правовой политики, в том числе научной политики. С другой стороны, сегодня мировоззренческие изменения такой же элемент ее превращения в действительность, как и конструирование новых институтов трансграничных обменов и взаимодействий, отвечающих на цивилизационные вызовы постсовременного мира.

Интегральное понимание совокупной социокультурной, когнитивной и языковой природы права позволяет ставить и решать новые проблемы в комплексе их взаимных отношений и определений. В таком предметном и концептуальном контексте вполне корректно рассматривать такие дисциплинарные конструкции, как *поэтика и семиотика* юридического текста, в качестве одновременно самостоятельной и общей части дисциплинарной структуры юриспруденции. Поэтика и семиотика юридического текста являются выражением внутренней языковой (жанрово-стилевой) и внешней (знаковой) репрезентации права в различных соционормативных форматах и практиках регулирования и регламентации социального общения.

Социальное общение изначально включает в себя *сообщение*, то есть систему знаков и значений, в которых существует и определяет себя и нормативное, и символическое измерение многоуровневой культурно-исторической правовой реальности. Семиотика фиксирует структурную связь внешних и внутренних аспектов существования правовой реальности, ее институциональной и концептуальной составляющей, языка юридических конструкций и языка юридических понятий, практического и теоретического языка права и науки права. Поэтика отражает различные ментальные и когнитивные проявления форм мышления о праве, восприятия и понимания права, представленных в разнообразных жанровых и формальных построениях юридического текста, его стилового и риторического оформления. В этом смысле поэтика и семиотика юридического текста раскрывают все богатство и разнообразие культурно-исторических манифестаций и репрезентаций феномена права в практиках социального общения в их прошлом, настоящем и неопределенном будущем.

Юридический текст не существует сам по себе, вне социокультурного контекста его производства и потребления. Его собственная жизнь — вопрос нормативных ожиданий, настроений и переживаний наличия или отсутствия надлежащего права, то есть фундаментальной потребности в праве. Дискурсивные практики, основанные на принципе авторитета, существенным образом отличны от дискурсивных практик, основанных на принципе консенсуса. Хотя формальным получателем юридического текста являются все, кому он адресован в силу тех или иных служебных и житейских

обстоятельств, но действительным его пользователем являются только те субъекты правового общения, кем он может быть прочитан в предметной логике языка, на котором текст написан и говорит с его потребителями.

Юридический текст как проявление культуры человеческого общения имеет гуманитарное измерение, определяемое культурой форм подачи материала и организации его нормативного содержания. То есть заключает в себе и аксиологию, и эпистемологию права, его ценностно-нормативную и концептуальную структуру. Юридический текст имеет и концептуальное значение, и языковую форму его манифестации. Понимание юридического текста как знака в системе его нормативных значений и определений и знака как текста в системе его символических представлений и концептов позволяет рассматривать юридический текст в качестве одновременно предмета исторической поэтики и семиотики права породившей их общей социокультуры.

Правовая реальность в своей внутренней, ментальной сути — это воображаемая реальность. Желаемый правовой порядок и наличный правовой порядок — несовпадающие категории. Переход должного в сущее варьируется в широком диапазоне возможных флуктуаций, задаваемых юридическими картинами мира каждой исторической эпохи. Поэтико-семиотическое видение правовой реальности в границах собственных исследовательских подходов в изучении феномена права позволяет обнаружить, описать и объяснить именно те аспекты его предмета, которые лежат за рамками формальных определений классической юриспруденции. Поэтика и семиотика права расширяют уровни понимания и существования права, выделяя и различая видимое и невидимое в праве, его метафизические смыслы и аксиоматические значения, знаки присутствия или отсутствия юридического начала в практиках социального общения (семиотика), формы культурных репрезентаций права в процессах социальных коммуникаций (поэтика).

Оба подхода осмысления правовой реальности как онтологической данности и политико-правового конструкта объединяет представление о праве в качестве языковой, а значит, и текстовой, и знаковой реальности. Включение поэтики и семиотики юридического текста в дисциплинарный кластер юридической науки, наряду с антропологией и социологией права, позволяет совместить в общем комплексе пред-

ставлений о правовой реальности структурные (*инвариантные*) и культурно-исторические (*вариативные*) основания и аспекты юридической организации и развития социальных систем в рамочных и пересекающихся определениях интегративной юриспруденции.

Поэтика и семиотика юридического текста включают в предмет своего изучения одновременно и изучение юридического языка, на котором говорит право конкретной исторической эпохи, и юридического дискурса, на котором размышляли и размышляют о праве в его прошлом, настоящем и будущем времени. Юридический язык и юридический дискурс, рассматриваемые в предметной логике поэтики и семиотики юридического текста, позволяют увидеть, описать и объяснить те аспекты существования правовой реальности, как в плане ее исторического содержания, так и в плане ее исторического выражения, которые характеризуют историческую семантику и грамматику конкретного правового порядка. То есть тех параметров и координат нормативных коммуникаций, которые составляют фундамент разнообразных культурно-исторических форм социального общения. Несмотря на то что право занимало в практиках социального общения различное место в отдельные эпохи архаики и исторического существования людей, его постоянное присутствие в повседневной жизни человеческих сообществ позволяет предположить, что язык юридического общения в самом себе, в своей онтологии и аксиологии заключает собственные основания и условия развития и воспроизводства. Это не только и не столько *основная норма* Г. Кельзена, *правотворческий дух* немецкого народа Ф. К. фон Савиньи, императивно-атрибутивное *переживание права* (точнее, его отсутствия) Л. Петражицкого. Это и то, и другое, и третье, и еще много чего, еще не вошедшего в привычный словарь теоретического правоведения.

При всем разнообразии концептуальных подходов и предлагаемых ментальных конструкций в понимании онтологических оснований права, видимо, есть еще и нечто иное, еще не явленное, но вполне реальное, что делает науку права одним из самых увлекательных интеллектуальных путешествий в области гуманитарного знания. Поэтика и семиотика юридического текста заключены в самом факте его существования. Поэтому, возможно, в этом аспекте своего самовыражения и манифестации можно, используя дополнительный иссле-

довательский инструментарий, разработанный в смежных областях знания, обнаружить в праве еще неизвестные грани заключенного в нем культурно-исторического содержания. Открыть новые горизонты понимания природы права в его имманентной сущности и культурно-исторических формах, юридических определениях, понятиях и конструкциях — актуальная тема и проблема постюриспруденции или интегральной юриспруденции, совмещающей в себе феноменологию, аксиологию и эпистемологию юридического текста — интегральной категории права и предмета науки права.

Поэтика и семиотика юридического текста и с точки зрения своего предмета (*внутритекстовые и внетекстовые отношения*), и с точки зрения своего аналитического инструментария (язык, на котором текст написан, и язык, на котором текст прочитан) имеют дело с различными и взаимозависимыми аспектами существования права. Различие в языках — это различие в значениях, которые составляют внутреннее и внешнее содержание юридического текста. Это различие одновременно формальное и предметное. Его снятие и преодоление составляет фундаментальную задачу юридической практики и проблему юридической науки.

Поэтику юридического текста интересует прежде всего внутренняя форма текста как такового или структура, в которой заключено определенное содержание явления, обозначенного термином «право». Базовая функция права — внесение формальной определенности в социальные отношения, составляющие предмет правового регулирования. Очевидно, что реализация данной функции предполагает одновременно определенность в организации самого права как юридического института и процесса. Исторически и типологически различные правовые системы используют различный институциональный и концептуальный инструментарий для решения этой универсальной задачи. Поэтика юридического текста различных исторических эпох и социокультурных находит себя в различных версиях понимания права, выраженных в логике и определениях языка классической и неклассической юриспруденции. Ее собственный предмет — право, существующее за рамками кодифицированного языка формальной юриспруденции.

Семиотику юридического текста интересуют внешние отношения, в структуре которых происходит взаимодействие явления права

с адресатами его содержания. Взаимодействие протекает в системе социокультурных координат или определенного контекста, нагруженного определенными ожиданиями и собственными представлениями адресата о должном или недолжном порядке социальных отношений. Юридический текст, в терминах семиотики — означаемое и означающее, превращается в собственный предмет его адресата только в рамочных определениях интерпретации его содержания. Юридический текст, пропущенный через различные формы истолкования его исходного содержания, становится (в терминах семиотики) означаемым, представленным открытым перечнем возможных значений.

Предмет поэтики юридического текста — статика существования юридического текста в системе его собственных значений, означающих. Предмет семиотики юридического текста — динамика существования юридического текста в системе его подвижных значений, означаемых. Общий предмет поэтики и семиотики юридического текста представляет граница пересечения и совмещения плана содержания и плана выражения основного, или первичного, юридического текста и плана содержания и плана выражения производного, или вторичного, юридического текста. То есть до и после его включения в систему социальных коммуникаций. Ключевая тема и логика совмещения двух аналитик состоит в описании и объяснении ментальных и когнитивных разрывов социального общения, границ совместимости или несовместимости языков социального общения. Правовая реальность открывает себя и как юридическая структура (*рамки*), и как юридический процесс (*действия*) в системе знаковых отношений языков социального общения. Язык юридического текста, его терминология, стилистика и нормативная метафорика являются носителями глубинных смыслов юридического концепта действительности, его культурными и нормативными маркерами.

ПОЭТИКА И СЕМИОТИКА ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА

1. Поэтика и семиотика юридического текста включают в себя, наряду с аналитикой, не менее значимый пласт правового понимания действительности, представленный в ее диагностировании на предмет выявления скрытых, неартикулируемых решений, спрятанных

за фасадом языка формального правопорядка¹⁵. Предмет поэтики юридического текста определен в жанровых формах выражения права, стилей аргументации, терминологии или языков, на которых говорят и рассуждают о праве. Отсюда проистекают собственные культурно-исторические форматы поэтики юридического текста — поэтика юридической классики — этатизма и легизма, поэтика юридического реализма и нормативизма, поэтика постюриспруденции. Юридический текст на своем историческом пути в целом и отдельных исторических фазах складывания своей онтологии и аксиологии встречался с различными основаниями своего генезиса и развития, а именно природой, обществом, религией, государством. Каждая встреча формировала свой культурно-исторический облик юридического текста, свою систему выражения и реализации заключенного в нем нормативного содержания, свою культурно-историческую логику воспроизводства права. Через отношения с данными универсальными феноменами человеческого бытия проявляла себя каждая функция, каждый элемент институциональной, доктринальной, концептуальной и юридикотехнической составляющих конкретно-исторической правовой системы.

Право как таковое обнаруживает свое действительное существование только через связи с данными феноменами общей человеческой реальности, в совокупной структуре которых различают собственно нормативное ядро и периферию — в зависимости от места и роли отдельных правообразующих элементов в общесоциальном процессе генезиса и развития права. Право в своей онтологии, аксиологии и эпистемологии — это одновременно институт, и концепт, и эпистема. Процесс правообразования той или иной исторической эпохи, представленный через различение в нем первичных и вторичных, доминирующих и факультативных факторов, условий и оснований становления и развития правовых институтов, включает в себе как культурно-исторические стандарты нормирования социальных отношений, так и культурно-исторические схемы организации знания о движущих силах данного процесса. Современная правовая наука в рамочных построениях своей дисциплинарной структуры, в этом аспекте своего понимания, лишь исторический эпизод в общей эволюции юридических картин мира.

Поэтика юридического текста включает в предмет своего рассмотрения не только феноменальные основания процесса правофор-

¹⁵ Все, что служит социальному общению и его пониманию, является языком. Жест, звук, интонация, церемониальный акт, любой предмет, заключающий в себе послание другим, в том числе и слово, устное и письменное. Язык — универсальное средство социальной коммуникации в любой знаковой форме его выражения. В конкретном модусе своего проявления этот аспект и момент социального взаимодействия, применительно лишь к одной из исторических форм своей репрезентации, выразил К. Леви-Стросс. «В каждом обществе приготовление пищи служит языком, на котором общество бессознательно раскрывает свою структуру. Пища, которую съедает человек, становится им самим. Мы — то, что мы едим, поэтому набор продуктов питания и способы его обработки тесно связаны с представлением личности о себе и своем месте во вселенной и обществе» («Происхождение застольных манер»). В выборе продуктов питания и в самом процессе поедания в его индивидуальной и коллективной формах уже заключена нормативная составляющая социоприродных коммуникаций.

Юридическое начало социальной действительности живет в самой социальной действительности. Все, с чем мы сталкиваемся, и все, к чему мы прикасаемся, имеет юридический смысл и значение. Симптоматично, что уже в раннегреческой традиции осмысления социального порядка движение от Хаоса к Космосу составляло базовый принцип ее нормативной космологии. Для объяснения отклонений от предустановленного порядка социальных отношений в культурный оборот был введен *концепт судьбы*.

Юриспруденция повседневности бесконечна в своих проявлениях. Подтверждением данного факта являются семиотические теории и конструкции социокультурного, а значит, нормативного значения *языка и символики моды* (см.: Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2018); *языка и символики цвета* (см., например, цикл исследований феномена цвета в культурно-исторических практиках социального общения: Пастуро М. Синий. История цвета. М., 2015 ; Он же. Черный. История цвета. М., 2017 ; Он же. Зеленый. История цвета. М., 2018 ; Он же. Красный. История цвета. М., 2019). Одежда, цвет, позы, генеалогии — это социальные институты-классификации, знаки наследуемого или приобретенного статуса, места в социальной иерархии отдельных сообществ. Все, что существует и социально себя проявляет, есть юридический текст, выражение юридической картины устройства мира, его изначальной структурированности, то есть нормативности. А значит, входит в предмет исторической поэтики и семиотики.

мирования. Рабочей частью его совокупной структуры являются также системы юридических знаний, в которых не только и не столько отражается правовая реальность в ее представлениях и определениях, но одновременно протекает концептуально моделируемый процесс производства и воспроизводства правовой системы в целом. Накопленное юридическое знание о явлении права своего рода медиум, посредник в процессах превращения представлений о должном порядке социальных отношений в систему юридических институтов, поддерживающих и обеспечивающих правопорядок как выражение должного в сущем.

Юридический текст в форме институтов (правил и ритуальных практик) и юридический текст в форме представлений об институтах (ментальных моделей и познавательных практик) выражает две универсальные формы существования и определения процесса юридической организации (институциональной и концептуальной) социальных отношений. В этом плане общий объект поэтики юридического текста — юридический язык, на котором говорят правовые институты, и юридический язык, на котором их описывают и понимают. В конечном итоге это юридические картины мира, которые являются общим социокультурным основанием и источником права и знаний о праве каждой исторической эпохи. Их язык, категории и понятия — знаки цивилизационной принадлежности систем социального общения. Это ментальные образы должного в сущем, его метаюридических оснований и проявлений в практиках социального общения.

Именно изменения практического и концептуального языка права содержательно и формально являются собственным предметом поэтики юридического текста. Поскольку временной фактор культурно-исторической эволюции языка права составляет фундаментально измерение и институциональных, и концептуальных преобразований правовой реальности в целом, представляется возможным рассуждать о явлении права в логике определений прежде всего исторической поэтики юридического текста. В исторических практиках взаимоналожения, сочетания и пересечения социальных отношений и природы, социальных институтов и религии, социальных транс-

формаций и государства заключены различные правопорядки, определяемые нормативной природой юридических языков, в которых они нашли свое историческое содержание и формы выражения. Правовые системы первоначальных сообществ, религиозно-правовые системы, государственно-правовые системы — все это в конечном итоге проявление базовой нормативности дискурсивных практик самих социокультурных коммуникаций, в рамочных построениях и определениях которых обнаруживает себя, формирует и функционирует историческое право.

Отсюда, собственно, и проистекают различия в предметной и формальной структуре исторической поэтики юридического текста, языка и дискурса, определяемые различной скоростью процессов преобразования права и науки права. Это проблема медленного времени или проблема структурных, фазовых переходов правовых систем в различных исторических контекстах их существования и взаимодействия и проблема быстрого времени или проблема текущих процессов накопления или разрушения внутренних и внешних, институциональных и концептуальных ресурсов собственного развития. Значение исторической поэтики в изучении действительных превращений в системах юридической организации социальных отношений и системах их концептуального описания и объяснения определяется пограничным статусом ее собственного предмета в исследовании правовой реальности. Ее методология заключена в ориентации именно на точки бифуркации переходных состояний и процессов правовых изменений, в которых представлен веер возможных траекторий будущего развития самих правовых систем, стиля и жанровых форм правового осмысления, восприятия и переживания правовой действительности как явления социокультуры своего места и времени. Поэтикологическое направление в изучении универсальной категории юриспруденции — юридического текста — может опираться в первую очередь на отечественную традицию изучения литературных текстов, накопленную и представленную трудами А. Веселовского, А. Белого, Ю. Тынянова, Ю. Лотмана, Е. Мелетинского и других исследователей¹⁶.

¹⁶ Классическое и непревзойденное в своей аналитике описание эволюции культурно-исторических эпох и форм языка литературного текста дано в докторской диссертации О. Фрейденберг 1935 г. (см.: *Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра*. М., 1997). Расширение предметных границ приложения языка

Собственный предмет поэтики юридического текста — превращение воображаемого порядка социальных отношений, то есть юридического концепта действительности в терминах Г. Гаджиева, в культурный артефакт, объект эстетического переживания правовой реальности. Правопорядок как нормативное измерение и выражение социокультуры является одновременно и категорией эстетического отношения к действительности, поскольку эстетическое чувство — одна из исторических форм проявления внутренней нормативности социального порядка как завершенного в себе, в своей внутренней гармонии, уравновешенности и стабильности. Поэтика организует и выражает эти качества права в различных аспектах его эстетической репрезентации. Юридическая поэтика классического римского права и религиозно-юридических практик Средневековья, эпохи барокко и романтизма, юридическая поэтика революционных эпох правообразования — все это не что иное, как исторические эпохи движения различных языковых, дискурсивных, жанровых и стилистических форм выражения и манифестации права.

Правовые институты и формы их концептуализации могут быть представлены в качестве юридических текстов, завершенных и незавершенных, являющихся выражением коллективной психологии определенной исторической эпохи, своего рода эпифеномены сознательного и бессознательного, желаемого и фактического, должного и сущего правопорядка.

Классическая формула поэтики юридического текста представлена римской юриспруденцией в определении Цельса, приведенном Ульпианом в Дигестах: «*lus est ars boni et aequi*». Ключевой термин формулы — *ars*, искусство, ремесло, дело. Искусство деяния, делания и украшения подлинной жизни человеческих сообществ. Юридический текст — это феномен эстетического отношения к действительности, движения от низкого и рутинного к высокому и возвышенному. Эстетическое отношение превращает невидимое юридическое отношение в видимое, вербальное и визуальное.

Юридический текст также феномен религиозного переживания, что в полной мере продемонстрировали практики средневекового правопонимания. В основании правовых представлений эпохи лежал опыт социального общения как религиозного. Вера в своей онтологии выражение юридического, то есть предписанного и гарантированного порядка социальных отношений. В вере изначально заключено то, что в формальном праве разведено, — легитимность и легальность порядка. В этом смысле религиозное есть первичное основание социального общения. Юридические тексты в своих жанровых построениях (суммы и комментарии) и казуистической аргументации наполнены отсылками к священным книгам, аллюзиями сакрального и профанного порядка отношений, риторическими формулами, в полной мере выражающими особенности юридической поэтики своего исторического времени. Юриде-

поэтики представлено в работах Ю. М. Лотмана (см., например: *Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века* // Избранные статьи : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1). Мифоритуальные основания концептуализации мира, понимаемого как текст — структуры социальных отношений и культурных практик описаны в работах Е. М. Мелетинского (см., например: *Мелетинский Е. М. Поэтика мифа*. М., 1975). Понимание нормативного значения поэтики стиля как выражения стиля мышления раскрыто в работах П. А. Гринцера (см., например: *Гринцер П. А. Стиль как критерий ценности* // Сравнительное литературоведение и санскритская поэтика. Избранные произведения. М., 2013. Т. 2.). Фактически и по существу лингвистика, филология и литературоведение заключают в себе немислимый по своему объему и культурно-историческому значению материал, который может быть положен в основание *лингвистического поворота* в юриспруденции. Поэтикологический подход к анализу юридического текста, в широком смысле понимания содержания и форм выражения данной категории и понятия, открывает качественно новые аналитические перспективы не только в изучении права, но прежде всего в концептуализации предмета и языка самой юридической науки — теоретического правоведения. Язык права — язык социокультуры. Язык юриспруденции — язык осмысления права. По существу предмета речь должна идти о концептуальной альтернативе юридико-техническому пониманию роли языка в описании и объяснении феномена права (см.: *Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции*. М., 2012 ; *Власенко Н. А. Язык права*. Иркутск, 1997). Язык формально-догматической юриспруденции, сохраняя свое инструментальное значение в конструировании юридического текста, является лишь частью более широкой эпистемы понимания взаимных отношений текста и культуры.

ский язык вполне вписывался в ее топики священного и мирского, невидимого и видимого в их взаимных отношениях и определениях. Средневековая юриспруденция, ищущая себя в логике догматического толкования базовых текстов классического римского наследия и религиозной юридической картины мира, есть грандиозная попытка совместить несовместимые онтологические основания наличного правопорядка — авторитет божественного в практиках социального общения и юриспруденцию повседневного существования человека.

Юридический текст по своей сути искусственный продукт социокультуры, форма самовыражения и репрезентации базовых оснований человеческого существования. Это концепт и конструкт, юридическая вселенная в миниатюре, заключающая в себе все возможные проявления юридического начала действительности, ее аксиологию, эпистемологию и праксеологию. Правовая реальность во всех своих ментальных и фактических проявлениях есть текст, явление юридического бытия и сознания. То есть организация юридических смыслов и значений в материальной и идеальной форме, форме слов и церемоний, торжественных клятв и одеяний, мифологии и ритуалов, эмблем и знаков принадлежности к определенному социальному классу. Это архитектура конституций, деклараций, кодексов с их наименованиями, разделами и главами, статьям и примечаниями, сносками и приложениями. Это архитектура присутственных мест как материализация образа юстиции. Поэтому юридический текст в своих определениях и своей композиции — это и категория эстетики. Все разнообразие форм демонстрации присутствия юридического начала в практиках социального общения находит и выражает себя в поэтике юридического текста, универсальной категории права и предмета правовой науки.

Поэтика юридического текста находит себя не только в отправлениях текущей законодательной и правоприменительной практики, но и в собственной исторической памяти, накопленном опыте юридической жизни прошлого, ее юридическом наследии, как позитивном, так и негативном. Юридическое прошлое никуда не уходит, оно существует в своих завершенных или незавершенных формах и постоянно возвращается, как бумеранг, особенно в кризисных

ситуациях, требующих признания или непризнания юридического значения тех или иных фактов и решений, казалось бы, далекого прошлого. Правовой мысли известен феномен *спящих* институтов, которые всегда когда-нибудь просыпаются и начинают действовать помимо нашей воли и желания, пробуждая, как правило, грустные воспоминания о несостоявшемся или незавершенном юридическом событии. Оно живет своей теневой отраженной жизнью и тихо ждет своего исторического часа, правовые последствия наступления которого возвращают нас в прошлое и закрывают траектории движения в будущее¹⁷. Подлинная правовая история — это история в сослагательном наклонении.

2. Предмет юридической науки определяется широким дисциплинарным контекстом изучения права как комплексной, многосоставной и многоаспектной категории, института и процесса. Современное состояние исследования права в рамках отдельных направлений разработки его предмета сталкивается с проблемой совмещения различных аналитических подходов — антропологии и социологии права, сравнительного правоведения, юридической лингвистики, культурно-исторической юриспруденции — в общем объеме теоретических и методологических представлений о праве. В аналитической повестке дня тема интегративной юриспруденции сегодня занимает ведущее место и требует своего концептуального решения. Семиотическое видение — описание и объяснение права — представляет значительный интерес в этом аспекте его теоретико-методологической разработки. Семиотика предоставляет в рамках своего собственного инструментария возможность подвести под отдельные, относительно автономные предметные и формальные характеристики феномена права общие концептуальные основания. Если основная тема и проблема поэтики юридического текста заключается в выявлении границ его открытости или закрытости для публичного потребления обществом, то семиотика юридического текста касается столь же актуальной проблемы и темы концептуальной способности юриспруденции быть инструментом изучения права и науки права как знаковых систем социального и научного общения.

Собственный предмет семиотики юридического текста заключен в его языке как системе

¹⁷ Лафитский В. О правовом наследии России и его возрождении в борьбе за право : монография. М., 2018.

знаков и языковой деятельности, связанной с переводом их значений в практическую и научную плоскость. Семиотика юридического текста открывает в границах наличной традиции понимания права и конкретных способов и процедур его интерпретации как исторически меняющиеся значения, так и сохраняющиеся смыслы права. Ее рабочий инструментарий, юридический язык и дискурс, выступает одновременно и объектом изучения и аналитическим средством категоризации и концептуализации правовых явлений. Обе составляющие заданы рамками определенной культуры восприятия и переживания права или юридической картины мира, затрагивающей глубинные (*ментальные*) основания формирования собственно юридического отношения и осмысления действительности. Семиотика права — органичная часть науки права. Предмет семиотики и предмет науки права пересекаются в своей онтологии и эпистемологии, поскольку в их базовых основаниях лежит категория «отношение». Семиотика — дисциплина, которая в своих определениях и языке связана с исследованием отношений знака и его значений в различных социокультурах. Юриспруденция — дисциплина, концептуальное ядро которой составляет язык описания и объяснения превращения социального порядка в правопорядок, то есть социального отношения в правоотношение.

Семиотическое прочтение юридического текста, его семантики (содержания) и синтаксиса (правил организации содержания) позволяет при всем разнообразии культурно-исторических форм социального общения выявить и описать их универсальные смыслы и значения в терминах практического и теоретического языка, выработанного в рамках своей социокультуры. Юридический текст как со своей внутренней формы (*предмет поэтики*), так и со стороны своей внешней формы (*предмет семиотики*) порождает правопорядок, повторяемость, регулярность, стабильность и устойчивость которого образуется совместным действием инвариантных структур социального общения и вариативных условий их включения в меняющиеся исторические контексты повседневного существования.

Обе составляющие различных культурных эпох социального общения объединяет свой язык социальной коммуникации, без которого она по определению не могла состояться. Язык производства права и язык его употребле-

ния должны быть совместимы, открыты и понимаемы сторонами социального общения как общая нормативная и когнитивная форма и предпосылка превращения социальной коммуникации в правовую коммуникацию. Проблема в том, что юридический текст создается не только в рамках правотворческого процесса, но также и в процессе его прочтения адресатом правил. Это связанные общей задачей нормативные практики, которые в одинаковой степени работают на общий результат достижения единой цели — обеспечения правопорядка нормальными условиями его воспроизводства в процессах социального общения. Изменения первоначальных или заданных нормативных значений при их переводе на язык используемых или применяемых значений — вопрос политики и культуры того общества, которое, собственно, является одновременно и агентом, и актором или участником социокультурного цикла юридической деятельности в целом.

Структура отношений между этими элементами общей коммуникации может быть различной — симметричной и ассиметричной, закрытой и открытой, односторонней или двусторонней, вертикальной или горизонтальной, выстроенной в логике патрон-клиентских отношений или гражданских форм социального общения. Все это разнообразие возможных социальных конфигураций порождает разнообразие форм юридического общения и их отображения в семантике и синтаксисе юридического текста. В этом аспекте понимания своего предмета семиотика юридического текста представляет собой инструмент описания и объяснения структур обмена юридическими значениями на различных фазах процесса правовых коммуникаций безотносительно к их практическим приложениям в различных сферах социальной жизни.

Концептуальная ценность семиотики юридического текста заключена в универсальности языка ее аналитики. Юридические правила — производные социального общения, изменяющие, в зависимости от ее структуры, свои нормативные значения. Семиотика и поэтика юридического текста, образ и понятие, социальная структура и культурный процесс раскрывают и план содержания, и план выражения всего действительного разнообразия правил и практик социально-правового общения. Семиотика и поэтика права обеспечивают интегративный статус науки права как своим собственным инструментарием осмысления

правовой реальности, так и своим предметом в его институциональном и концептуальном аспектах выражения и развития. Комплексный предмет интегративной юриспруденции охватывает юридический текст, язык и дискурс в их взаимных отношениях. Комплексный инструментарий дисциплины представлен концептуальным зонтиком — феноменологией, аксиологией и эпистемологией права в их взаимных определениях. Именно совмещение обеих составляющих совокупной структуры права (*предмета*) и науки права (*метода*) образует общий предметно-методологический профиль юриспруденции¹⁸.

Категория «юридический текст» охватывает собой все разнообразие возможных форм существования и выражения правовой реальности — правовые идеи и ценности, нормы и институты, понятия и определения. Правовая реальность — это одновременно и институциональная, и языковая, и концептуальная реальность. Разнообразие форм существования правовой реальности лежит в основании разнообразия форм семиотики юридического текста или форм семиотического прочтения юридических текстов. Право как юридический текст и наука права как аналитическое преобразование и отображение юридического текста в предметной и когнитивной логике его репрезентации существуют в рамочных определениях социокультуры своей эпохи. Семиотика юридических текстов, представленная системой открытых и закрытых (*кодифицированных*)

языков их описания и объяснения и дискурсивных практик, обеспечивающих их применение, также существует в системе культурно-исторических координат и также является предметом собственной рефлексии.

Отсюда действительная проблема и тема исторической эволюции юридического текста и корреспондирующих ему исторических форм семиотического осмысления правовой реальности. В этом аспекте своего понимания семиотики — органичная часть культурно-исторической юриспруденции, ее теории и методологии. Одной из конкретно-исторических форм семиотического подхода в исследовании права является, в частности, аналитическая юриспруденция, язык определений которой заключен в рамки нормативных актов, составляющих основной объект и предмет концептуализации права. В этот кластер теоретико-методологической рефлексии попадает также и догматическая юриспруденция, знаниевая форма определения права в которой аккумулируется в нормах-дефинициях или системе законодательно санкционированных понятий описания и объяснения права. Оба классических формата семиотического подхода в правовой науке скорее предписывают нормативные значения тем или иным явлениям мира социальных отношений, чем выявляют их собственную юридическую природу во всем разнообразии возможных культурно-исторических смыслов и значений.

По существу, речь может идти о становлении и развитии внутри самой правовой науки

¹⁸ Отечественная юриспруденция, устав от неопределенности собственного концептуального статуса в условиях смены своих доктринальных оснований, активно ищет себя в определениях интегративной (интегральной) юриспруденции. Поиски затянулись, что породило дискуссию о сложности как самого юридического знания, так и отраженного в нем юридического бытия, что само по себе имело фундаментальное значение, прежде всего для самой юридической науки, понимания ею своего предмета и расширения номенклатуры своего словаря (см., например: *Графский В. Г.* О непреодолимых трудностях в создании интегральной юриспруденции // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 19—24). Очевидно, что научную мечту соединить *все в одном* должна была предварять развитая исследовательская традиция изучения различных исторических эпох, школ и форм выражения юридического знания, а также соблюдение ряда аналитических условий. Во-первых, в самой правовой реальности необходимо обнаружить *нечто*, что само по себе является категориальным (онтологическим) основанием совмещения отдельных аспектов ее культурно-исторического существования в интегральную целостность. Во-вторых, система различных по своей культурно-исторической природе представлений о праве должна в самой себе заключать эпистемологические основания интегрального подхода в понимании и определении того, что есть это *нечто*. Иначе говоря, юридическая наука должна наконец-то заняться прежде всего собой в качестве одной из исторических форм манифестации юридического концепта действительности. И не только в рамках философского, метаюридического осмысления права, а непрерывно вырабатывать, обновлять и анализировать конкретно-исторический язык рассуждения о праве и только потом фантазировать на тему, чем научная дисциплина может быть и почему до сих пор ею не стала.

как исторической формы юридического знания разнотипных эпистем, предметы которых меняются в зависимости от социокультурного контекста и техник социального общения. Разнообразие форм правовой реальности выражается в одномоментном сосуществовании закрытых или открытых юридических текстов; текстов, полагающих для своего изучения открытую или закрытую аналитику; текстов, связанных языком формального толкования, или текстов, требующих для своего понимания инструментария правовой герменевтики. Поэтика и семиотика мифа и юридической традиции, поэтика и семиотика религиозного текста и ритуала, поэтика и семиотика устного и письменного права заключают в себе собственную историческую семантику, синтаксис и грамматику, что составляет предмет и метод самой юриспруденции¹⁹.

Устное и письменное право — это не просто исторически сменяемые формы (*тексты*) фиксации накопленного опыта институционализации социальных отношений и превращения социального порядка в правопорядок. Это также момент и итог знаковой и культурной эволюции в системах социально-правовых коммуникаций. То есть изменений в формах производства и *воспроизводства* правовых систем, связанных с переходом от традиционных способов трансляции опыта правового общения через механизмы передачи исторической памяти к более гибким, мобильным и открытым нововведениям — практикам производства и трансляции опыта правового общения. Ее закономерный итог — появление такой принципиально новой знаковой формы артикуляции юридического текста и правовой коммуникации, как язык электронного права.

Поэтика и семиотика языка архаического права выражены в генеалогии и культе предков. Поэтика и семиотика языка средневекового права определены застывшим языком религиозных текстов и мемориальных календарей. Поэтика и семиотика языка права эпохи мо-

дерна выстроены сухой логикой рациональных конструкций. Новая историческая эпоха форм социального общения — эпоха сетевых сообществ и коммуникаций. Это также эпоха открытых структур юридического текста, подвижного языка сетевого права (*языка трансграничных институтов*) и конвенционального языка его юриспруденции (*юриспруденции сетевых коммуникаций*).

Юридическое начало социального общения, заключенное в процессы внесения формальной определенности в их существование и развитие, начинает постепенно вытесняться культурой постмодерна в сторону размытых форм юридической организации социальных отношений. Практика буквального прочтения и толкования юридического текста постепенно смещается в своих определениях и конструкциях к широким для интерпретации его нормативного содержания границам конкурирующих смыслов и значений. Языки живой метафоры и риторических формул органично входят в научный и практический оборот, порождая свою юридическую технику организации правопорядка, существующего за рамками догматики и аксиоматики старой юриспруденции²⁰. В эпоху стабильности социальных практик на юридической авансцене царит догматика права. В эпоху перемен на передний план выходит метафизика права, глубинные убеждения и мотивации, образующие или удерживающие от распада социальные общности. Нормативное ядро и периферия меняются местами. Все только начинается, чтобы снова повториться²¹.

* * *

Поэтико-семиотическое прочтение юридического текста фундаментально. За логическими конструкциями и определениями оно видит живое право, данное в его переживаниях, ожиданиях и оценках. То есть в таких формах осмысления правовой реальности, в которых заключено и пульсирует внутреннее челове-

¹⁹ См.: Темнов В. И. Звучащая юриспруденция. М., 2010 ; Дорофеев Д. Ю. Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб., 2015.

²⁰ См.: Грязин И. Текст права: опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин, 1983 ; Законотворческая, интерпретативная, правоприменительная техника в контексте культур и межкультурной коммуникации // Юридическая техника. Ежегодник. Н. Новгород, 2010. № 10 ; Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 1997.

²¹ См.: Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима модерна. М., 2017 ; Бауман З. Текучая современность. М. — СПб. 2008 ; Кастэльс М. Власть коммуникации. М., 2017.

Проблема в том, что социальные категории — отношения и представления, считавшиеся жесткими и фиксированными, — сегодня становятся гибкими и текучими по факту их собственного внутреннего

ческое начало социального общения. Поэтика и семиотика как системы социокультурных инструментов (*символических правил, процедур, практик*) реконструкции означаемых и означающих свободны от доктринальных предвзятых анализ догматических суждений, не только задающих эпистемологические рамки описания и объяснения явлений, но прежде всего закрывающих возможность действительного понимания их скрытого значения и смысла. С методологической точки зрения поэтика и семиотика юридического текста — это язык и процесс (*дискурс-анализ*), очищающий юридические события, факты, состояния от ложных интерпретаций и искажений²².

Каждая эпоха в развитии юридической науки имеет свою концептуальную карту мира и оставляет свое аналитическое наследие, выраженное

в новых языках, предметах и моделях описания и объяснения права. Поэтика и семиотика позволяют открыть внутри юридического текста в любой форме его референции (*вербальной и визуальной*) то, что, как правило, в нем спрятано и живет своей собственной жизнью. А именно юридический концепт самой социальной действительности, выраженный в различных символических (*знаковых*) репрезентациях наличного права. В этом плане поэтика и семиотика — универсальные аналитики всего исторического разнообразия юридического мира социального общения прошлого, настоящего и будущего, представленного юриспруденцией ритуального жеста и танца²³, юриспруденцией домашнего очага и публичного форума²⁴, юриспруденцией устного и письменного слова²⁵, юриспруденцией трансграничных коммуникаций и институтов²⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андрианов Н. В. Воспроизводство права как проблема семиотики права // Постклассическая онтология права. — СПб., 2016. С. 509—560.
2. Антропологические традиции. — М., 2012.
3. Барт Р. Миф как семиологическая система // Барт Р. Мифологии. — М., 2010.
4. Бикбов А. Грамматика порядка : Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. — М., 2014.
5. Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. — СПб., 2014. — С. 75—128.

развития еще до того, как мы осознали, а тем более осмыслили, логику и динамику их возможных структурных состояний. Социальные институты сами себя нормируют безотносительно от намерений вписать их движение в наличный правопорядок. Фактическое и воображаемое, желаемое и действительное пересекаются, взаимоопределяя и конструируя друг друга. Мир как воля и представление нашли себя в другом. Порядок формальных решений и порядок реальных действий начинают жить своей параллельной жизнью, что радикально ограничивает и меняет роль государства (универсального бюрократа) в практиках их правовой организации. Мавр уже сделал свое историческое дело, но не хочет это понимать, а тем более уходить или отказываться от монополии быть единственным действующим лицом на юридической сцене.

²² См.: Агацци Э. Научная объективность и ее контексты. М., 2017 ; Дейк Т. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2018 ; Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М., 2011.

²³ См.: Мейн Г. Древний закон и обычай. Исследования по истории древнего права. М., 2010 ; Мальцев Г. В. Культурные традиции права. М., 2013 ; Шевцов С. Метаморфозы права : Право и правовая традиция. М., 2014.

²⁴ См.: Фюстель де Куланж Н. Д. Древняя гражданская община. Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. М., 2011 ; Гофман И. Символы классового статуса // Логос. 2003. № 3.

²⁵ См.: Темнов В. И. Указ. соч. ; Бочаров В. В. Неписанный закон. Антропология права. СПб., 2012 ; Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

²⁶ См.: например: Мажорина М. В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193—218.

6. Ветютнев Ю. Ю. Дисциплинарные ритмы права // Ритмология культуры : очерки. — СПб., 2012. — С. 213—229.
7. Власенко Н. А. Язык права // Власенко Н. А. Избранное. — М., 2015.
8. Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). — М., 2013.
9. Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии. — М., 2018.
10. Дугин А. Г. Социология воображения. — М., 2010.
11. Интеллектуальный язык эпохи: история идей, история слов. — М., 2011.
12. История понятий, история дискурса, история метафор. — М., 2010.
13. Касевич В. Б. Апофатическая грамматика // Касевич В. Б. Когнитивная лингвистика. — М., 2013. — С. 123—127.
14. Катков В. Д. Реформированная общим языковедением логика и юриспруденция. — Одесса, 1913.
15. Качанов Ю. Эпистемология социальной науки. — СПб., 2007.
16. Кубрякова Е. С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка : Когнитивные исследования. — М., 2012. — С. 36—42.
17. Кун Т. После структуры научных революций. — М., 2014.
18. Майданов А. С. Эпистемология и логика мифа. — М., 2017.
19. Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. — М., 2014.
20. Мелетинский Е. М. Миф и историческая поэтика. — М., 2018.
21. Нормы и мораль в социологической теории : От классических концепций к новым идеям. — М., 2017.
22. Степанов Ю. С. Семиотика. — М., 2018.
23. Суриков И. Е. Письменность и политогенез в античном греческом мире: сравнительный анализ трех разнохарактерных вариантов (Аттика, Крит, Кипр) // Античная Греция. Политогенез, политические и правовые институты. — М., 2018.
24. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. — М., 2012.
25. Харт Г. Л. А. Философия и язык права. — М., 2017.
26. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука: способы объяснения системного провала. — М., 2015.
27. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. — М., 1997.
28. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. — М., 2016.
29. Эко У. Открытое произведение : Форма и неопределенность в современной поэтике. — М., 2018.
30. Эко У. Роль читателя : Исследования по семиотике текста. — М., 2016.

Материал поступил в редакцию 18 декабря 2018 г.

JURISPRUDENCE: BETWEEN DOGMATIC HERITAGE AND THE LANGUAGE OF NEW ANALYTICS

VEDENEEV Yuriy Alekseevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
javedeneev@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article is devoted to analyzing conceptual shifts in the description and explanation of the phenomenon of law. The subject of the science of law constitutes the category of changing mental, linguistic and conceptual forms of its existence and expression. The development of the science of law is subject to the cultural and historical logic of evolution both as a phenomenon of law and the language of reasoning regarding law. The evolution of the phenomenon of law and the evolution of the science of law take place in a complex and dynamic environment of institutional and conceptual changes and mutual influences. Legal reality as a social fact and the concept of the fact exists within the cultural and historical boundaries of the interaction between the language of legal practice and the language of legal theory.*

Understanding of legal reality as a linguistic reality (phenomenon) requires the development of mental models (epistems) that allow us to identify the most significant aspects of manifestations of legal reality in a variety of

socio-cultural contexts of its linguistic — institutional (practical) and conceptual (theoretical) — expression. The current agenda covers the formation of the general body of the theory of jurisprudence per se, or jurisprudence of the judiciary. Its analytical basis forms theoretical history of the legal science presented in various cultural and historical forms and expressions of the legal knowledge.

Keywords: *legal institutions and concepts, phenomenology and axiology of law, poetics and semiotics of a legal text, image of law and the concept of law, imaginary legal reality, conceptual map of the world, legal language and legal discourse, the concept of law and the concept of jurisprudence.*

REFERENCES

1. Andrianov N. V. Vosproizvodstvo prava kak problema semiotiki prava [Reproduction of law as a problem of semiotics of law]. Postklassicheskaya ontologiya prava [Post-classical ontology of law]. St. Petersburg, 2016. P. 509—560. (In Russian)
2. Antropologicheskie traditsii [The anthropological tradition]. Moscow, 2012. (In Russian)
3. Bart R. Mif kak semiologicheskaya sistema [A myth as a semiological system]. In Bart R. Mythology. Moscow, 2010. (In Russian)
4. Bikbov A. Grammatika poryadka : istoricheskaya sotsiologiya ponyatiy, kotorye menyayut nashu realnost [The grammar of order : Historical sociology of concepts that change our reality]. Moscow, 2014. (In Russian)
5. Bourdieu P. Vlast prava: osnovy sotsiologii yuridicheskogo polya [The power of law: fundamentals of sociology of the legal field]. In Bourdieu P. Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki A social space: fields and practices]. St. Petersburg, 2014. P. 75—128. (In Russian)
6. Vetyutnev Yu. Yu. Distiplinarnye ritmy prava [Disciplinary rhythms of law]. In Ritmologiya kultury : ocherki [Rhythmology of culture : essays]. St. Petersburg, 2012. P. 213—229. (In Russian)
7. Vlasenko N. A. Yazyk prava [The language of law]. In Vlasenko N. A. Izbrannoe [Selected works]. Moscow, 2015. (In Russian)
8. Gadzhiev G. A. Ontologiya prava (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deystvitelnosti) [Ontology of law (A critical study of the legal concept of reality)]. Moscow, 2013. (In Russian)
9. Giddens E., Sutton F. Osnovnye ponyatiya v sotsiologii [Basic concepts in sociology]. Moscow, 2018. (In Russian)
10. Dugin A. G. Sotsiologiya voobrazheniya [Sociology of Imagination]. Moscow, 2010. (In Russian)
11. Intellektualnyy yazyk epokhi: istoriya idey, istoriya slov [The intellectual language of the epoch: History of ideas, history of words]. Moscow, 2011. (In Russian)
12. History of concepts, history of discourse, history of metaphors. Moscow, 2010.
13. Kasevich V. B. Apophatic grammar. In Kasevich V. B. Cognitive linguistics. Moscow, 2013. P. 123—127. (In Russian)
14. Katkov V. D. Reformirovannaya obshchim yazykovedeniem logika i yurisprudentsiya [Logic and jurisprudence reformed by general linguistics]. Odessa, 1913. (In Russian)
15. Kachanov Yu. Epistemologiya sotsialnoy nauki [Epistemology of social science]. St. Petersburg, 2007. (In Russian)
16. Kubryakova E. S. O meste kognitivnoy lingvistiki sredi drugikh nauk kognitivnogo tsikla i o ee roli v issledovanii protsessov kategorizatsii i kontseptualizatsii mira [The place of cognitive linguistics among other sciences of the cognitive cycle and its role in the study of the processes of categorization and conceptualization of the world]. In Kubryakova E. S. V poiskakh sushchnosti yazyka : kognitivnye issledovaniya [In search of the essence of language : Cognitive studies]. Moscow, 2012. P. 36 — 42. (In Russian)
17. Kuhn T. Posle struktury nauchnykh revolyutsiy [After the structure of scientific revolutions]. Moscow, 2014. (In Russian)
18. Maidanov A. S. Epistemologiya i logika mifa [Epistemology and the logic of the myth]. Moscow, 2017. (In Russian)
19. Malakhov V. Kulturnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu globalnykh migratsiy [Cultural differences and political boundaries in the era of global migration]. Moscow, 2014. (In Russian)
20. Meletinskiy E. M. Mif i istoricheskaya poetika [Myth and historical poetics]. Moscow, 2018. (In Russian)
21. Normy i moral v sotsiologicheskoy teorii : ot klassicheskikh kontseptsiy k novym ideyam [Norms and morality in the sociological theory : From classical concepts to new ideas]. Moscow, 2017. (In Russian)

22. Stepanov Yu. S. Semiotika [Semiotics]. Moscow, 2018. (In Russian)
23. Surikov I. E. Pismennost i politogenez v antichnom grecheskom mire: sravnitelnyy analiz trekh raznokharakternykh variantov (attika, krit, kipr) [The writing system and politogenesis in the ancient Greek world: A comparative analysis of three different variants (Attica, Crete, Cyprus). Ancient Greece. Political Genesis, political and legal institutions. Moscow, 2018. (In Russian).
24. Cherdantsev A. F. Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudentsii [Logical and linguistic phenomena in law]. Moscow, 2012. (In Russian).
25. Hart G. L. A. Filosofiya i yazyk prava [Philosophy and the language of law]. Moscow, 2017. (In Russian).
26. Hedlund S. Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshchestvennaya nauka: sposoby obyasneniya sistemnogo provala [Invisible hands [Russian experience and social science: Ways to explain the systemic failure]. Moscow, 2015. (In Russian).
27. Freidenberg O. M. Poetika syuzheta i zhanra [Poetics of the plot and genre]. Moscow, 1997. (In Russian).
28. Eco U. Ot dreva k labirintu. istoricheskie issledovaniya znaka i interpretatsii [From the tree to the labyrinth. Historical study of the sign and interpretation]. Moscow, 2016. (In Russian).
29. Eco U. Otkrytoe proizvedenie : forma i neopredelennost v sovremennoy poetike [An open work : The form and uncertainty in modern poetics]. Moscow, 2018. (In Russian).
30. Eco U. Rol chitatelya : Issledovaniya po semiotike teksta [The role of the reader : Research on the semiotics of the text]. Moscow, 2016. (In Russian).